

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 4. С. 154–175.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 4. P. 154–175.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-4-154-175

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В РАННЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Н. С. ЛЕСКОВА КОНЦА 1850-х — НАЧАЛА 1860-х ГОДОВ

Марина Сергеевна Киселева

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
markiseleva@gmail.com

 Аннотация. Автор обращается к публицистике начала 1860-х годов — времени экономических и политических реформ в Российской империи, сопровождавшихся мощным всплеском журнальной активности как интеллектуальной и общественно-политической практики. Путь писателя Н. С. Лескова (1831–1895) лежал в литературу через журналистику, его ранние статьи — предмет предпринятого автором анализа. Основной тезис данной статьи определен интересом начинающего публициста и писателя к утверждению сущностной важности *самостоятельности и самоуважения человека*, как опорной ценности в процессе реформирования общественных отношений Российской империи. Лесков, анализируя существующие социальные пробле-

© Киселева М. С., 2024

мы Российской империи: взяточничество, незанятость разночинной молодежи, сословную замкнутость населения, наемный труд и хозяйский производ, кабальные условия детского и женского труда, состояние «винокурной промышленности», переселение крестьян (колонизации окраинных территорий) и др., полагает, что ценность самоуважения человека является необходимым условием для развития и совершенствования как экономики, так и в целом российского общества. Реализация этой ценности, как считал Лесков, зависит от уровня развития просвещения в обществе для людей, не принадлежащих дворянскому сословию, то есть от решения практической задачи просвещения и образования народа. Автор статьи делает вывод, что совпадение по времени в биографии Лескова идеи самостоятельности человека и обретение им своего места как писателя в сложном мире русской пореформенной литературы не является случайным. В начале 1860-х годов совпало многое: реформы, начавшиеся с освобождения крестьян, ломка сословной структуры российского общества, уходящая «Старая Русь» и др. Рационально мыслящим певцом этого сложного периода российского имперского социума и стал писатель Лесков, реализуя самостоятельность своей литературной творческой судьбы, начав ее с журналистского практического слова.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, журналист, писатель, социально-экономические проблемы, разночинцы, наемный, детский, женский труд, сословные противоречия, народное просвещение, литературное творчество

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Киселева М. С. Самостоятельность человека в ранней публицистике Н. С. Лескова конца 1850-х — начала 1860-х годов // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 4. С. 154–175. doi:10.17323/2658-5413-2024-7-4-154-175.

Memory of Culture

INDEPENDENCE OF A PERSON IN THE EARLY JOURNALISM OF N. S. LESKOV
OF THE LATE 1850S — EARLY 1860S

Marina S. Kiseleva

National Research University “
Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, markiseleva@gmail.com

Abstract. The author turns to the journalism of the early 1860s — the time of economic and political reforms in the Russian Empire, accompanied by a powerful surge of magazine activity as an intellectual and socio-political practice. The path of the writer N. S. Leskov (1831–1895) lay in literature through journalism, his early articles are the subject of the author’s analysis. The main thesis of this article is determined by the interest of the beginning journalist and writer in affirming the essential importance of independence and self-respect of a person as a supporting value in the process of reforming social relations of the Russian Empire. Leskov, analyzing the existing social problems of the Russian Empire: bribery, unemployment of commoner youth, class isolation of the population, hired labor and owner arbitrariness, enslaving conditions of child and female labor, the state of the “distilling industry”, the resettlement of peasants (colonization of outlying territories), etc., believes that the value of self-respect of a person is a necessary condition for the development and improvement of both the economy and Russian society as a whole. The realization of this value, as Leskov believed, depends on the level of development of education in society for people who do not belong to the nobility, that is, on the solution of the practical task of enlightenment and education of the people. The author of the article concludes that the coincidence in time in Leskov’s biography of the idea of human independence and his finding his place as a writer in the complex world of Russian post-reform literature is not accidental. In the early 1860s, many things coincided: reforms that began with the liberation of the peasants, the breakdown of the class structure of Russian society, the passing of “Old Rus”, etc. The writer Leskov became a rationally thinking singer of this complex period of Russian imperial society, realizing the independence of his literary creative destiny, having begun it with a journalistic practical word.

Keywords: N. S. Leskov, journalist, writer, socio-economic problems, commoners, hired, child, female labor, class contradictions, public education, literary creativity

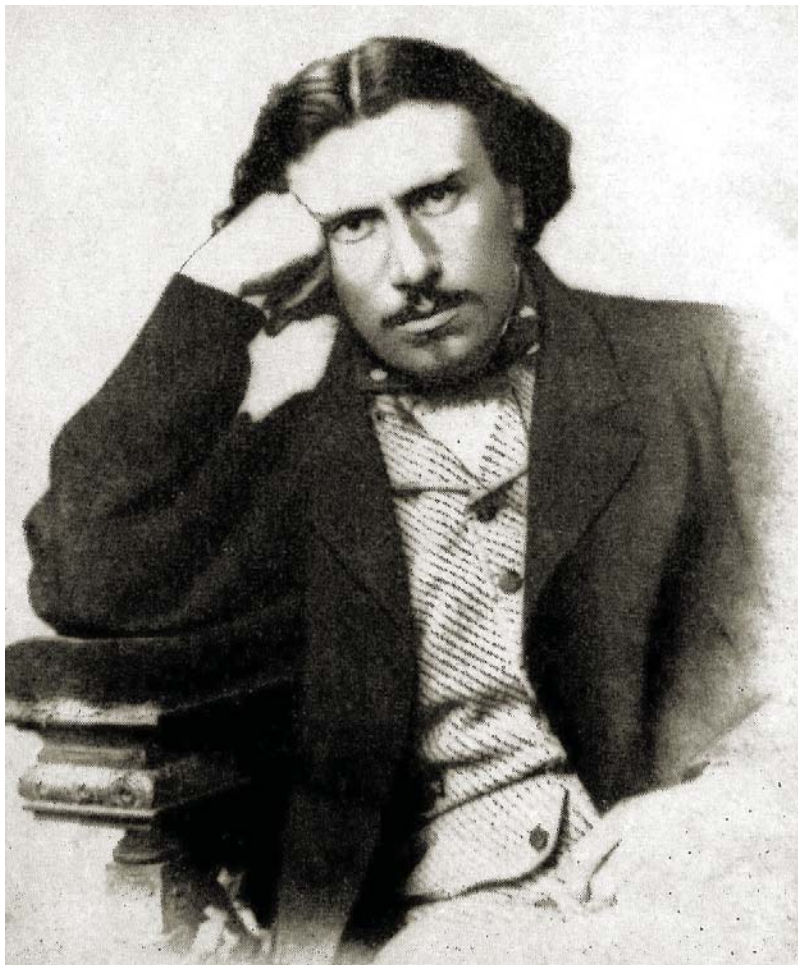
Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kiseleva, M. S. (2024) “Independence of a Person in the Early Journalism of N. S. Leskov of the Late 1850s — Early 1860s”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(4), pp. 154–175. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2024-7-4-154-175.

Связь публичной печати с задачами реформирующейся России актуализировалась после Крымской войны, что нашло свое выражение в появлении множества новых журналов и газет, как в обеих столицах, так и в провинциальных городах. В контексте готовящихся и проводимых реформ в Российской империи 1860-х годов рост публикаций по общественно-политической тематике объясним не только желанием авторов определить свое отношение к обсуждаемым вопросам в печати, но и внести определенный вклад в их решение. Для этого требовалось осмысление самых острых проблем: отмены крепостной зависимости крестьян; судебной и законодательной реформ, включающих земское и местное управление; свободы печати и цензуры; военной реформы и др. Публицистика стала областью интеллектуальной практики, выполняя в обществе как функции просвещения читающего гражданина, так и своего рода идеологические функции «пропартийных» объединений, которые полемизировали друг с другом.

В публицистике 1860-х годов статьи Н. С. Лескова звучали особенным образом как его личное высказывание, в котором при разнообразии тем узнавалась самостоятельность позиции автора. М. Горький поставил своего рода диагноз Лескову, как свободному в своем высказывании публицисту, и в силу этого, одинокому писателю. Литературовед советского времени А. А. Горелов, знаток творчества Лескова, в предисловии к книге сына писателя Андрея Лескова «Жизнь Николая Лескова» (1984), обращает внимание на мнение М. Горького, который отличал писателя «среди литераторов пореформенной поры от лиц более четкой и вместе с тем более узкой идеологической ориентации: “не народник, не славянофил, но и не западник, не либерал, не консерватор”» [Горелов, 1984, с. 6]. Комментарий исследователя, заметим, что это — 1980-е годы, амбивалентен. Он видит в этой неопределенности независимость автора, выражающего в прозе «настроения широкой народной стихии». Вместе с тем, указывая на «политическую аморфность», полагает ее препятствием «взлету освободительного пафоса» [Горелов, 1984, с. 6].

Николай Семенович Лесков в 1861 году

Однако нуждался ли Лесков в пафосном взлете? Его первые выступления в публичной печати начала 1860-х годов крепко связаны с социальными и политическими проблемами реформирующейся России. Содержание ранних статей 1860-х годов рационально организовано. И да, в них не читается пафос политического высказывания. Однако скорее не потому, что автор не определился в своих политических взглядах. Позиция Лескова, несомненно, лично определена, на что влияет сам материал его публицистики, обращенный к интересующей его острой общественной проблеме, которые ему были известны из собственных деловых поездок по России. Разбираясь в этих проблемах письменно, автор ориентируется на научную литературу, использует статистику, политэкономия, медицинские, этнографические и др. работы. При этом его публицистика не становится аналитическим научным обзором. В каждой статье проблема, которой она посвящена, показана живо, не абстрагируясь от деятельности людей. Условия работы, жизни, заработок и досуг, возможность и невозможность их личной независимости, самоуважения и саморазвития в отношениях друг с другом для Лескова постепенно становятся доминирую-

щими среди волнующих его проблем. Внимание к человеку ведет Лескова к обсуждению достижения общественной пользы для Отечества именно тем, каково участие человека в той работе, в которую он включен. Проблема в том осознанно, свободно или принудительно и привычно это включение. Для Лескова-публициста несомненно, что баланс собственных интересов с интересами общества должен стать осознанным мотивом для всего трудящегося населения России и определять политику реформ.

В 1988 году филолог и литературный критик Л. А. Аннинский в серии «Библиотека русской художественной публицистики» издал с комментариями том статей Н. С. Лескова, причем почти все статьи, этого тома, впервые издавались с журнальных оригиналов [Лесков, 1988]. Издатель ставил актуальную для России задачу: «...ввести лесковскую публицистику в живой контекст нашего времени, заставить ее работать сегодня, дать ее в руки нынешнему читателю: не историку литературы, а именно читателю, озабоченному проблемами современности» [Аннинский, 1988, с. 318]. Отметим, что это было время массового читателя: тираж книги — 100 тыс. экземпляров. Сегодня читающих значительно меньше. Однако слово Лескова, на мой взгляд, все также актуально.

Каков был интеллектуальный и практический багаж Лескова и что или кто обратил его интерес к публицистике, начало которой было положено, когда автору было около 30 лет? Его биография к этому времени складывалась из четырехлетнего обучения в Орловской губернской гимназии (1841–1845), в 1846 году ему было выдано свидетельство об окончании 2-х классов и прохождении обучения в третьем классе. Затем он начинает карьеру чиновника: в Орловской палате уголовного суда от должности канцеляриста до помощника столоначальника (1847–1849); в Киевской казенной палате от помощника столоначальника с 1850 года, коллежского регистратора, затем столоначальника (1853–1857); в 1856 году его произвели в губернские секретари. Биограф приводит свидетельства своего отца о том материале, с которым он имел дело в молодые годы, когда через его руки проходили многотомные уголовные дела. Остросюжетные произведения будущего писателя выросли из этой почвы.

В Киеве Лесков жил у дяди по материнской линии. Сергей Петрович Алферьев, профессор медицины, декан медицинского факультета Киевского Императорского университета им. Св. Владимира ввел его в университетскую среду, где молодой чиновник мог быть вольнослушателем лекций профессоров университета. В книге Андрея Лескова приведены имена Н. И. Пилянкевича (1819–1856), адъюнкт-профессора энциклопедии права, автора «Истории философии права», И. М. Вигуры (1819–1856), профессора государственного

права, адъюнкта по кафедре русских государственных законов и других. Как далее станет понятно, Лесков интересовался статистикой, скорее всего, работами Д. П. Журавского, который являлся ученым секретарем и редактором статистического отделения комиссии при университете.

С 1857 по 1860 год Лесков, уволившись со службы, стал разъездным агентом частной коммерческой компании «Шкотт и Вилькенс», принадлежавшей А. Я. Шкотту (Скотту), скорее из шотландцев, чем англичан, мужу его тетки Натальи Петровны Шкотт. Об этом периоде жизни отца А. Лесков писал: «Коммерсанта из Лескова Шкотт не сделал. Да, судя по собственным его незадачам, не был таковым и сам. Он был агроном и механик по образованию, радикал по направлению, а не купец и не добытчик. Однако сделал он нечто весьма серьезное — пусть и непредумышленно, вовлек молодого чиновника в широкое практическое и непосредственное изучение своей страны в деловых трехлетних поездках по ней “от Черного моря до Белого и от Брод до Красного Яру”. Это была подготовка к писательству, равной которой не могла бы дать никакая другая работа и деятельность. В эти годы он влиял на не сложившегося еще племянника сильнее очень многих из родства или жизнью близкого поставленных людей» [Лесков А. Н., 1984, с. 85–86]. Сам Лесков писал об этом времени: «Это самые лучшие годы моей жизни, когда я много видел и жил легко» [Русские писатели о литературе, 1939, с. 305]. Однако одних впечатлений для владения пером недостаточно.

Еще в Орле Лесков приобщился к книгам, пользуясь библиотекой А. Н. Зиновьевой, племянницы писателя князя Масальского. А. Лесков приводит фрагмент из поздней беседы отца с В. Протопоповым: «У г-жи Зиновьевой была богатая библиотека, доставлявшая мне массу материала для чтения, — я перечел ее почти всю... Так началось мое умственное развитие, продолжавшее затем быстро прогрессировать благодаря близкому знакомству с такими личностями, как, например, А. В. Маркович, муж писательницы Марко-Вовчок, и С. С. Громека» [Лесков А. Н., 1984, с. 119].

Громека для Лескова послужил не только примером предпочтения коммерческой службы должности чиновника, но и освоения публицистического поприща, о чем будет сказано далее. Как публицист Громека печатался в «Русском вестнике» (1857–1859), где в том числе были опубликованы его очерки «О полиции вне полиции», содержание которых вызвало недовольство властей. Автор вышел в отставку с должности начальника полицейского управления Николаевской железной дороги и поступил в частное «Русское общество паровозов и торговли» в Одессе, продолжая журналистскую деятельность. Лесков в «Заметке о себе самом» отметил, что этот выбор Громеки имел «решитель-

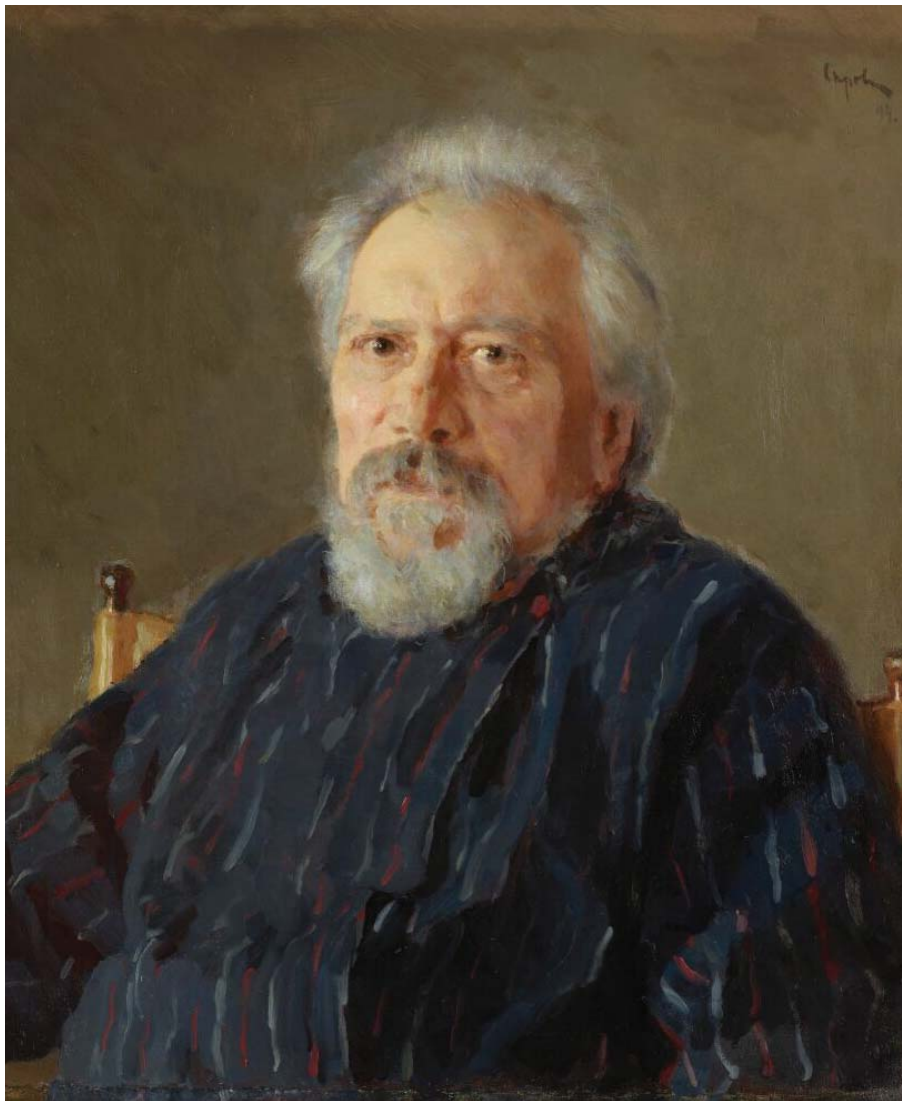
ное значение» в его судьбе. Стоит заметить, что Громека вернулся на государственную службу в 1863 году, забросив публицистику; после польского восстания занимался земельной реформой как председатель Радомской комиссии по крестьянским делам, стал седлецким губернатором в 1867 году (г. Седльце, Царство Польское). Но Лесков не стал следовать в этом направлении его примеру. Значимый для него выбор определил А. В. Маркович (1822–1867), о котором он сказал: «...обязан ему всем моим направлением и страстью к литературе» [Лесков А. Н., 1984, с. 123].

Время коммерческих разъездов по стране сформировало разнообразный багаж впечатлений и понятий Лесковым проблем в реформирующейся России. Сюжет его первой публикации сложился случайно — им стало событие, произошедшее с автором в книжной лавке г-на Литова в Киеве при покупке Евангелия, за которое с него взяли двойную цену против заранее объявленной. Это и стало поводом к публичному обращению внимания на мелкие торговые махинации в небольшой статье, которую он опубликовал в «Санкт-Петербургских ведомостях» 21 июня 1860 года, выступив в защиту честности и соблюдения правил торговли.

Иная проблема волновала Лескова в публикации киевского еженедельника «Современная медицина» (август 1860). Это была своего рода рецензия на статью Ф. Г. Тернера¹ «О рабочем классе и мерах в обеспечении его благосостояния», вышедшую в нескольких номерах «Библиотеки для чтения» (1860). Медицинский профиль издания задал проблему, прямо относящуюся к сфере ответственности врачей, гигиены труда и быта рабочих.

Лесков описывает ужасы жизни рабочих, как они представлены в статистических выкладках Тернера: маленькие и грязные помещения, расположенные в домах города, в основном, в подвалах, тесных, сырых, когда воздух в комнатах согревается только дыханием живущих в них людей, где отхожие места и помойные ямы соединены с жилыми помещениями и распространяют вонь. Вслед за Тернером Лесков ведет речь о 120 тыс. человек рабочего класса в имперской столице, жизнь же рабочих в других городах, замечает он, остается без внимания. Ссылаясь на статистический источник статьи Тернера, работу К. С. Веселовского «Статистика недвижимых имущества в С.-Петербурге» (1848), Лесков отмечает, что «юная» политэкономическая наука положила

¹ Федор Густавович Тернер закончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (1850); служил в МИДе переводчиком; секретарь экспедиции церемониальных дел при особой канцелярии Министерства Императорского Двора (1856), в 1859 году — в канцелярии Кавказского и Сибирского комитетов (занимался статистикой); в 1862 году — чиновник особых поручений в Министерство финансов.

В. Серов. Портрет Николая Семеновича Лескова. 1894

начало исследованиям в этом социально нездоровом состоянии общества и вменяет «медицинскому сословию»: «страницы медицинских журналов почти свободны от гигиенических наблюдений» [Лесков, 1996, с. 161]. Он формулирует практический вопрос, в решении которого должно принять участие Правительство: «...каким образом следует изменить законы и правила общественной гигиены?» [Лесков, 1996, с. 162]. Критически Лесков настроен и к русской литературе, прежде всего, обращаясь к тем писателям, кто разделяет идеи искусства для искусства, «оберегая свою эстетику, они оставляют бедный народ безгласно страдать и нюхать эту вонь» [Лесков, 1996, с. 161]. Понимание задач литературы начинающего писателя совсем иное: «Пора нам отвыкнуть от мысли, что предметом литературы должно быть что-нибудь *особенное*, а не

² Здесь и далее во всех цитатах курсив автора. — Примеч. ред.

то, что всегда перед глазами и отчего мы все страдаем, прямо или косвенно» [Лесков, 1996, с. 161].

Завершая статью, Лесков ставит задачу перед врачами, присоединить свой профессионализм к решению тех проблем, которые открыла статистика — «молодое направление» социальной науки для решения вопиющих бытовых проблем жизни городских рабочих. Как видим, начало Лесковым-журналистом положено: в духе времени сформулирована необходимость приложения общих усилий — усовершенствование законов и управленческих решений для улучшения положения рабочего класса.

Острые социальные вопросы становятся повторяющимися сюжетами его публицистики. В октябре того же 1860 года и снова в «Современной медицине» речь идет о вечном социальном зле России — взятке в статье «Несколько слов о полицейских врачах в России». Лесков *исследует* механизм взяточничества: почему воспроизводится, какими способами сохраняется в имперской экономике и как работает в городских условиях государственной медицинской службы среди городских и полицейских врачей.

Взятка определяется Лесковым в случае «дающего» как «безгрешная благодарность (...) только для ускорения дела, и привычная совесть спит...», в случае же «берущего» (городовых и уездных врачей) как «средства к жизни» [Лесков, 1996, с. 174]. Автор проводит «мысленный эксперимент», как бы сказали современные методологи. Он придумывает некий город с семью статьями дохода для медицинского контроля, осуществление которого гарантировано дает результат в руки «берущих» со следующих мест: 1) с 4 житных базаров; 2) с 6 кондитерских; 3) с 40 булочных; 4) с 2 ярмарок; 5) с 200 лавок и магазинов со съестными припасами; 6) с 60 мясных лавок; 7) с 200 публичных женщин из 20 публичных домов и еще 100 самодеятельных. Лесков, приблизительно зная прайс лист, считает доход с каждого места как «определенный», к которому добавляется «экстренный» в различных непредвиденных случаях. Не буду приводить авторскую арифметику получения суммарной взятки, отмечу вывод. Важно понимать, положенный Правительством доход этой категории врачей (200 руб. серебром годового содержания), зная, как пишет Лесков, что на него невозможно существовать. Примеры крайне низкого профессионального уровня врачей, неквалифицированных медзаклучений по поводу несчастных случаев, отсутствие в них внятного русского языка есть следствие этой ситуации. Лесков констатирует, что в этих условиях для городских и уездных врачей «взятки есть *conditio sine qua non*» [Лесков, 1996, с. 176], и делает вывод о необходимости радикальной реформы в системе медицинского управления, ибо здесь не помогут ни мелкие исправления, ни «односторонние поправки».

Обсуждение проблем, связанных с винокурением, продажей и потреблением его продуктов, было представлено в ряде журналистских публикаций Лескова. Пожалуй, в этих статьях и можно заметить, как постепенно автор смещает фокус своего интереса с критики пороков, характерных для русского общества в целом, к возрастающему вниманию к отдельному человеку, его возможностям, его потребностям в реализации своих базовых интересов и, наконец, его способность к саморазвитию. К этим темам, как полагаю, ведет раскрывающийся писательский дар Лескова, вглядывание в конкретные ситуации, фиксация привычек общества в организации жизни человека и наконец интерес, настоящий *писательский* интерес к тому, как сам человек реализует себя, ищет возможность состояться своей индивидуальности. Дар вглядывания в человека в его жизненных обстоятельствах развивался, креп и наконец осуществил себя, но не через газетный очерк, а в создании литературных произведений, явивших России Лескова беллетриста.

В ноябре 1860 года и январе 1861-го в еженедельнике «Указатель экономический» на злобу дня Лесков дает две статьи «Несколько слов о местах распивочной продажи хлебного вина, водок, пива и меда» и «Вопрос об искоренении пьянства в рабочем классе». Публикация в этом еженедельнике была связана киевским профессором И. В. Вернадским³, у которого он остановился по приезде в Петербург «в качестве штатного корреспондента московской «Русской речи», в конце декабря 1860 или начале января 1861 года» [Лесков А. Н., 1984, с. 195–196].

Темы статей звучали актуально: многие губернии России еще не оправились от последствий «пивного бунта» (1858–1860) (см.: [Крестьянское трезвенное движение, 1962]). По причине сильного вздорожания продуктов винокурения и «крепостной» зависимости крестьян от сельских кабаков протестанты из крестьян устраивали дежурства и не допускали до питейных заведений работающих, агитировали за общества трезвости. Разорение кабаков и воровство их касс стало делом беднейших; общества трезвости — отказ от покупки водки — множилось и были отмечены в 32 губерниях России. Власть стояла

³ Иван Васильевич Вернадский (1821–1884) закончил в 1841 году словесное отделение философского факультета Киевского Императорского университета Св. Владимира, кандидат с золотой медалью за труд «О душе»; обучался в Европе экономическим наукам и статистике (1843–1846), защитил магистерскую (1847) и докторскую диссертации (1849), заведовал кафедрой политэкономии и статистики в Киеве. С 1850 года — профессор политэкономии и статистики Московского университета, с июля 1851 года — ординарный профессор кафедры. 1856 год — чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел в С.-Петербурге; издавал еженедельник «Экономический указатель» (1857–1861, менял названия) с приложением журнала «Экономист» (1858–1865); Действительный член Императорского Русского географического общества (отделение статистики).

на стороне «откупщиков», применяя силу против разорения кабаков. Откуп же был заменен винным акцизом лишь в 1863 году, уже после крестьянской реформы.

Выступая против пьянства, автор определенно высказался «о местах» потребления алкогольной продукции «необразованными» людьми низшего класса: «...войти туда противно, а пить еще противнее» [Лесков, 1996, с. 179]. «Благопристойные» же места, по примеру Германии, куда могли бы прийти люди на деньги из собственного заработка, редки. Лесков рассмотрел 5 причин такого положения и отметил особую важность последней причины, определенной им как «превратное понятие о приличии» теми (особенно носящими «форменное платье»), кто не может себе позволить выпить бутылку пива в хорошем месте, потому что там дешево (хоть и прилично), и публика собирается из разных сословий и званий. Иными словами, сословные предрассудки Российской империи, считает Лесков, мешают развивать демократичные пивные залы по доступным ценам, власти же оставляют в неприкосновенности «откуп» — систему сбора налогов за алкоголь, позволяя откупщикам взвинчивать цены, что увеличивает доход, в казну. Понятно, что в «противных» дешевых кабаках делать это проще.

Во второй статье Лесков переходит от анализа социальных условий русского пьянства к постановке ясной задачи по его искоренению, которое возможно через просвещение: следует «пролить в массы свет разума» [Лесков, 1996, с. 201], к источникам которого он относит воскресные школы, народные театры, клубы, лектории, главное, пишет автор, «действовать с любовью и энергией» [Лесков, 1996, с. 201].

Продолжая тему, Лесков в 4 номере «Отечественных записок» за 1861 год публикует «Очерки винокурной промышленности (Пензенская губерния)» — первую объемную журналистскую работу, проводником которой в столичный журнал стал Громеко. А. Лесков в книге об отце приводит следующий документ об «Очерках...»:

На хранимом мною ее оттиске, точнее вырезке из журнала, выше заглавия стоит чернилами сделанная собственноручная мета Лескова:

«Лесков

1-я проба пера. С этого начата литературная работа (1860 г.)».

[Лесков А. Н., 1984, с. 187]

Жанр очерка при этом содержит серьезное аналитическое социальное исследование, в котором изучался вопрос о пользе и проблемах винокурного

дела в Пензенской губернии 1840–1850-х годов в его самых разных аспектах: производственном, торговом, финансовом, кооперативном и др. Сам Лесков недолго жил в Пензе и материал был для него визуально знаком. Проблема исследуется с опорой на статистические отчеты по производству хлебного вина (то есть водки); автор сравнивает климат, почвы, урожайность и т. п. условия в разных областях России; исследует транспортные возможности поставки дров для винокурения на заводы губернии; устанавливает выгоду винокурения на небольших заводах; показывает структуру планирования и дохода на государственных и частных предприятиях и т. д. Очерки писались в 1860 году, когда «пивной бунт» был практически подавлен. Россия была накануне главной реформы — отмены крепостного права. Статья демонстрирует коммерческий профессионализм, которым Лесков явно владел. Известно, что винокурение в империи — один из неизменных и постоянных доходов в казну. Двигавшаяся к капиталистической экономике Россия, как ее понимает Лесков, должна держаться разумного и честного расчета для всех участников и производства, и потребления, в том числе и в *винокурной промышленности*. Знающие управленцы, да и просто грамотный работник, — следующая насущная задача российской коммерциализирующейся экономики. Автор констатирует главную проблему, определенную сословной структурой общества, а не промышленным интересом отрасли:

Винокурение предоставлено правительством только известному сословию помещиков-землевладельцев, свободно от всяких налогов и пользуется кредитом от казны. Мы должны полагать, что правительство, обусловив винокурение таким образом, желало не только обеспечить себя необходимым для потребления количеством вина, но видело еще в этой промышленности средство к достижению других целей; иначе правительство не имело бы нужды делать винокурение привилегией одного сословия, по большей части не владеющего денежными капиталами, необходимыми для такого производства. Ему стоило только сделать эту промышленность доступною лицам всех сословий, и нет сомнения, что не встретилось бы недостатка в людях, которые, обеспечив правительство залогами, произвели бы это дело своими средствами, не требуя от правительства никакого содействия и кредита, без чего не обходятся нынешние винокурные заводчики из лиц привилегированного сословия.

[Лесков, 1861, с. 1]

19 февраля (3 марта) 1861 года император Александр подписал манифест «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных

сельских обывателей» и «Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», включавшее 17 законодательных актов. Манифест был обнародован в Прощеное воскресенье 5 (17) марта.

Событие сообщило долгожданный импульс мобильности российскому обществу, ибо реформа касалась его главных структурных составляющих, одновременно и низов, и верхов — крестьянского и дворянского сословий, что постепенно включало в преобразования и другие слои общества. Лесков, имевший опыт коммерческой службы, изнутри наблюдал проблемы внедрения в коммерцию (купеческое сословие) новых людей. На этот опыт он опирался, когда писал статьи «Несколько слов об ищущих коммерческих мест в России» (канун 1861, «Указатель экономический») и «Русские люди, состоящие “не у дел”» («Русская речь», июнь 1861). В обеих статьях речь идет о судьбах людей, которые попали под сокращение штатов гражданской и военной служб после Крымской войны. Благодаря «обличительным» публикациям (М. Е. Салтыков-Щедрин, Мельников-Печерский и др.) чиновник «становился страшилищем», критикуемым за взятки, проволочки и т. п., следствием «негодования на чиновников» отказ молодежи от этой службы. Лесков фиксирует, что около семи лет идет сокращение штатов и критика госслужащих, ссылаясь, в том числе, на статью «Изнанка Крымской войны» военного историка Н. Н. Обручева об интендантских злоупотреблениях, опубликованную в нескольких номерах «Военного сборника» (1858). Все эти публичные обсуждения выявили остроту реального вопроса в реформирующейся России: чему может посвятить себя молодежь и где следует рассчитывать на заработок как средства к существованию?

Создавая портрет молодого человека, Лесков был честен: выходец из мелкопоместного дворянства, разночинец, не владел «всякой полезной специальностью», не имел капитала, чтобы основать свое дело, учиться ремёслам было поздно; к тяжелому физическому труду молодые также были не способны. Одни пытались стать управляющими имениями, над разорением которых, иронически замечает автор, «спокон века трудились и заграничные недоучки» [Лесков, 1996, с. 184], другие пробовали устроиться по торговым и промышленным делам. Но лишь очень немногие были приняты. Почему?

Во-первых, самая успешная коммерция в России того времени — дело иностранцев: коммерческие бумаги велись на языке хозяев, а языков претенденты не знали. Во-вторых, «русское купечество в один голос отвечало дворянчикам: «...нет-с, нам не требуется; у нас своих много» [Лесков, 1996, с. 185]. И далее Лесков рисует безотрадную систему выслуживания для продвижения по службе в традиционной купеческой среде. Здесь изначально не нужны знания или

возможность их получить в деле. Лесков дает краткий портрет тех, кто нужен: «...люди малограмотные и стоящие на одинаковой степени образования с хозяевами, к которым они являлись просить работы и платы; люди, прошедшие степени мальчиков и молодцев и за прилавком изучившие необходимость слепого признания хозяйского авторитета и собственного бесправия» [Лесков, 1996, с. 185]. Лесков точно определяет: привычные сословные отношения и противоречия, а не интересы коммерции влияют на сложившееся положение. Еще одна проблема: в примитивном и зачаточном состоянии коммерции в России учреждаются акционерные компании, куда берут людей не по «приемным испытаниям», что Лесков считает рациональным. Берут иностранцев, людей известных фамилий и чинов или имеющих протекцию. В результате Лескову очевидно экономическое противоречие, питаемое сословными традициями русского общества: «...предложение труда русских людей превышает его запрос в России, стране непочатых работ и невозделанных богатств» [Лесков, 1996, с. 187].

Однако Лесков хочет разобраться в социальных последствиях сложившейся ситуации. Во-первых, он уверен, что «устранение разночинцев из торговых дел», принятие в торговлю мещан и выходцев из крестьян, отрывает последних от привычной им деятельности: работы на земле и в домах. Во-вторых, невозможность разночинцам получить работу в коммерции «убивает их способности, гнетет, давит (...) доводит до пороков и преступлений», не позволяет заводить семью, что «лишает государство, бедное населением, приращением его» [Лесков, 1996, с. 187]. В-третьих, Лесков видит принижение науки в обществе: когда люди с образованием не могут получить место, то в глазах невежд растет равнодушие к науке. Он заключает, что русские разночинцы «в качестве русских пролетариев есть зло общественное» [Лесков, 1988, с. 50]. Иными словами, не польза дела, а традиции межсословных отношений мешают в том числе развитию коммерции образованными и перспективными молодыми людьми.

Лесков, видя в разночинцах и образование, и «общежитейское развитие» полагает, что именно эти люди способны поднять торговлю в глазах покупателя и вызвать его доверие. Наконец, Лесков формулирует столь важное для него понимание сути человека, как самостоятельного, способного и стремящегося к самоуважению: «неужели же фарисейское низкопоклонство и лесть могут более нравиться в человеке, нежели его самоуважение. Неужели долго еще не переведутся на матушке Руси люди, которые верят, что образование учит не уважать в человеке человека и не разуметь в должной степени своей зависимости и долга?» [Лесков, 1996, с. 189]. Иными словами, с точки зрения

Лескова, сложившиеся отношения неприемлемы для реформирующейся России.

Тема эта продолжена автором в статье «Торговая кабала» в том же «Указателе экономического» (февраль 1861), где обсуждается вопрос о положении мальчиков, отданных торговцам «на выучку», как ответ на публикацию «Московского курьера» о быте детей, работающих в Гостином дворе. Выучка происходит «путем холода, голода, бесприютности и затрецин» [Лесков, 1996, с. 202]. Социальный статус мальчика автором определен: «...кабальный холоп хозяина, лакей и помыкуша приказчика и “молодца” (...). Коснение — это его неизбежный удел...» [Лесков, 1996, с. 203]. Ключевое слово в отношении старших к такому мальчику — «взвошить», что означает бить «по голове да под “воздыхало”» [Лесков, 1996, с. 203]. Автор подробно описывает их быт: сон недолгий, кое-как на полу, встает раньше всех, днем не смеет садиться, многожды бегаёт из одного конца города в другой, разнося товар и т. п., служит и лично приказчику, а жаловаться некому и невозможно. Результат: усвоена способность «обезмыслиться, обезличиться» [Лесков, 1996, с. 204]. После 5 лет такой жизни его статус в деле повышается: он — «молодец» и имеет право «взвошивать» других. Затем «выход в люди» — заведение собственной лавочки, и... история повторяется.

Тема найма и неправовых отношений между тем, кто нанимает и кого нанимают, становится одной из главных в статьях Лескова 1861 года. В статье «О наемной зависимости» (газета «Русская речь», май 1861) проблема излагается Лесковым в широком социальном и культурном аспектах.

Посыл Лескова в этом вопросе имеет как экономические, так и нравственные основания. Автор апеллирует к правовым основам договорных отношений по найму и утверждает, что в любой стране человек продает только свой труд; в России же «он нанимается сам, он продает нанимателю не только свой определенный труд, но все свои мышцы, свое дыхание, свои убеждения и нередко даже свою честь» [Лесков, 1988, с. 43]. Русская пословица «нанялся — продался» стоит эпиграфом к статье. Лесков собирает примеры, подтверждающие эту бесправную российскую особенность наемного труда. Во-первых, дворяне и купечество, и даже те, кто составляет правления акционерных обществ, требовали от служащих «только рабских добродетелей и, вопя против деспотизма, сами отстаивали его идею собственным примером» [Лесков, 1988, с. 43]; во-вторых, помещики изгоняли управляющих из поместий за «мягкость обращения с мужиками, за редкое употребление душеспасительных орудий исправления», то есть за редкость телесных наказаний [Лесков, 1988, с. 44]; в-третьих, среди жен или дочерей управляющих, когда помещик

обращался к ним с «низкими и безнравственными искательствами» потому, что платит жалование их мужу или отцу [Лесков, 1988, с. 44]; в-четвертых, женский наемный труд подчинен «хозяйскому праву», женщина — рабыня, «а рабыня не удобомыслима вне наложничества с господином» [Лесков, 1988, с. 44]. Заключение статьи — призыв к сохранению «неотъемлемых прав человеческой свободы», самостоятельности и самоуважения любого человека занятого наемным трудом:

Теперь, когда Россия призвана к новой жизни, вольнонаемный труд становится господствующею формою труда, нам следует оглянуться на свое прошлое, забыть разные свои права бесправия, отрясти пыль предубеждений, насевших на наши ноги, и подумать о том, чтобы наемная служба у нас была возможною для людей, не торгующих своею честью и своими убеждениями.

[Лесков, 1988, с. 46]

Активная журналистская и общественная жизнь в столице включила Лескова в обсуждении вопросов, связанных с проведением реформы. В статье «О переселенных крестьянах» (еженедельник «Век», апрель 1861, псевдоним «Николай Понукалов») обсуждается сложный вопрос о тех крепостных крестьянах, кто по разным причинам был переселен в другие имения помещика, возможно совсем в других губерниях, хочет возвратиться на свою родину, но по ряду причин, описанных в разработанном законе о получении воли, не имеет на это права: «...они по-прежнему прикреплены к земле, по-прежнему живут между чужими людьми и ждут не дождутся, не будет ли им другой воли, так как настоящая — не воля для них» [Лесков, 1988, с. 56]. Вопрос о самостоятельности человека в этом случае снова не стоит.

В заключение еще одна важная публикация, в которой Лесков высказывается по актуальному вопросу проведения крестьянской реформы — колонизации окраин Российской империи. Статья «О русском расселении и о Политико-экономическом комитете» (декабрь 1861) была опубликована в журнале «Время», издававшимся Михаилом и Федором Достоевскими. Политико-экономический комитет входил в Императорское Русское географическое общество и на очередном заседании обсуждался вопрос, где и выступил автор статьи. Лесков, не без помощи И. В. Вернадского, активно участвовал в заседаниях комитета. В статье он вступил в полемику с известным этнографом и путешественником М. В. Венюковым, который критиковал аргументы участников обсуждения.

Позиция Лескова по вопросу о колонизации (далее автор замечает, что слово *переселенец* «у нас более уместно, чем слово к о л о н и с т, ибо у нас, соб-

ственно говоря, происходит не колонизация, а расселение по русской земле» [Лесков, 1988, с. 66]. сводилась к трем предложениям. Первое касалось, так сказать, разведки перед переселением в новые места. Предложение о публикации книг, описывающих новые места для поселений, автор считал непрактичным, ибо текст не доносит всего разнообразия впечатлений, которые получит и примет сам крестьянин. Книга не заменит традиционных ходоков или выборных, которых посылали заранее для осмотра мест и условий будущего проживания. Официально ходоков, при прошении на разрешение у правительства, называли депутатами.

В описании самого процесса переселения автор статьи демонстрирует свой литературный талант, который опирался на его собственный коммерческий опыт организации процесса переселения крестьян из Орловской губернии к жигулевским горам и в саратовские степи. Самостоятельность Лескова из идеи, которую он сформулировал по другим поводам и в других своих статьях, как это было показано, вылилась в замечательный литературный этюд, чрезвычайно талантливый и живой. Не могу не привести хотя бы небольшой фрагмент, где Лесков описывает переселение на барже по реке и в обозе по дорогам через поля и деревни. Для него очевидно, что крестьянину предпочтительнее, удобнее и веселее дорога в обозе:

В обозе он «козакует»; с детским любопытством он всматривается в новые места и в новых людей; толкует, какая «губерния» (т. е. какой губернский город) лучше, а какая хуже супротив его старой «губернии». Запримечает, чего, например, не любит мордвин или что любит татарин, где какие горохи, где какая картошка родится. Все это его занимает, обо всем он промеж себя всласть натолкуется и настроит разных предположений, что вот «кабы тут жить, каково бы жилось?». А на барке он лишен этого удовольствия, тоскует о нем, сердится сам и сердит других. В обозе он с изумительным терпением сносит все и все ему нипочем; на барке ему все в тягость. Измочит его в обозе дождь, слякоть в колено растворится, небо серое, обогреться и обсушиться негде, продрогшие ребятишки поднимут писк... но все это еще не угнетает привычной к страданиям души переселенца. Он наденет себе на плечи старый рогожный куль и, насупив брови, шагает по дорожному «тротуару»; но он не сердит. Он готов разговориться и о том, какие господа бывают на белом свете, и отчего Симка в «вошпитале» помер, и как его в этом вошпитале «потрошили», или же «как черт шутки шутит». И ничего! Ни на что он не жалуется, и не скучно ему.

[Лесков, 1988, с. 62]

Ссылаясь на книгу С. В. Максимова, описывающего неудачи великорусских крестьян, расселенных по берегам Амура, Лесков приводит его же положительный пример с переселением полтавских крестьян в Крым, когда процессу предшествовала отправка выборных для осмотра новых мест и наведения нужных справок.

Включение услуг коммерческих компаний в целях ускорить переселения явилось следующим предложением Лескова. Крестьянам необходима помощь и в получении казенных пособий, и по «выправке» всяких бумаг, которые становятся препятствиями в глазах народа, «чуждающегося всякого столкновения с чиновниками и их бумагами» [Лесков, 1988, с. 66]. Автор заключает: «...возможность допущения у нас свободных переселений при содействии частной предприимчивости (...) нельзя назвать совершенно непрактичной, ибо лучше, чтобы дело начало делаться немедленно, с надеждою на ходяков, чем ждать бог весть сколько, пока народ захочет начинать его, полагаясь на книги» [Лесков, 1988, с. 69].

Наконец, Лесков, предлагает расширить сословный состав переселенцев и считает, что к ним следует отнести не только самый многочисленный класс — земледельцев, но и другие «городские сословия» — мещан, мелких чиновников, низшее духовенство, «вообще разночинцев», если люди этих сословий чувствуют такую потребность. По существу, в предложениях по политике переселений Лескова и освоению пустых территорий, с одной стороны, уловлен импульс мобильности, который принесло в российское общество время реформ, а с другой, глубокое понимание необходимости соответствия человека, самостоятельного, инициативного, готового работать над собой, созданию желаемого нового экономического и правового пространства Российской империи.

Для самого Лескова импульсом для обретения самостоятельности и своего голоса в интеллектуальной жизни пореформенной России стала не только публицистика, но, прежде всего, литературное творчество. В 1862 году в печати появляются его первые рассказы «Погасшее дело», «Разбойник» и писание художественных произведений становится главным делом. Публицистика же потребовала идейного самоопределения в тех «партиях», которые сложились к 1862 году, когда Лесков перешел в газету «Северная пчела» и стал заведовать отделом внутренней жизни России (см.: [Видуэцкая, 2005, с. 381–385]). Об этом периоде его творчества нужно вести отдельное исследование, однако нужно заметить, что с публицистикой как прямым высказыванием он не расстался до конца своей жизни.

В заключение хочу сказать, что не могу согласиться с определением Аннинского, который написал: «Лесков был признан как беллетрист, но никогда

не был признан как публицист и мыслитель: ни один лагерь не принял его. Он это знал...» [Аннинский, 1988, с. 318]. Стоит вспомнить признание самого Лескова, сделанное А. И. Фаресову, написавшему позже книгу воспоминаний о Лескове: «Пленясь идеальной стороной какой-либо партии, я скоро открывал ее слабые стороны и шел против них... Всю жизнь приходилось идти “против течений”» [Фаресов, 1904, с. 408]. Это его движение, как представляется, и было выражением его самостоятельности. Литературное творчество Лескова также невозможно интегрировать ни в одно из направлений русской литературы второй половины XIX века.

Список источников

Аннинский Л. А. Почва правды // *Лесков Н. С.* Честное слово / сост., вступ. ст. и коммент. Л. А. Аннинского. М.: Сов. Россия, 1988. С. 5–16.

Видуэцкая И. П. Н. С. Лесков: пафос практического переустройства // *Очерки русской культуры XIX века.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. Т. 5: Художественная литература. Русский язык. С. 373–413.

Горелов А. А. Книга сына об отце // *Лесков А. Н.* Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям. В 2-х т. / вступ. статья, подгот. текста, коммент. А. Горелова. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1: Ч. I–IV. С. 5–30.

Крестьянское трезвенное движение // *Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.* Сб. ст. / ред. кол.: акад. М. В. Нечкина (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1962. Т. 2. 596 с.

Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям. В 2-х т. / вступ. статья, подгот. текста, коммент. А. Горелова. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1: Ч. I–IV. 479 с. (Лит. мемуары).

Лесков Н. С. Честное слово / сост., вступ. ст. и коммент. Л. А. Аннинского. М.: Сов. Россия, 1988. 352 с.

Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. / вступ. ст. И. Столяровой. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 1. 912 с.

Лесков Н. С. Очерки винокуренной промышленности (Пензенская губерния) // *Отечественные записки.* 1861. Т. 135, № 4. С. 419–444.

Русские писатели о литературе (XVIII–XX вв.): в 3 т. / под общ. ред. С. Балухатого; сост. М. Брискман. Л.: Сов. писатель, 1939. Т. 2.

Фаресов А. И. Против течений: Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1904. 411 с.

References

Anninsky, L. A. (1988) “Pochva pravdy” [“The Soil of Truth”], in Leskov, N. S. *Chestnoe slovo [Word of Honest]*. Compiled, introduction and commentary by L. A. Anninsky. Moscow: Sovetskaya Rossiya, pp. 5–16.

Viduetskaya, I. P. (2005) “N. S. Leskov: pafos prakticheskogo pereustroistva” [“N. S. Leskov: The Pathos of Practical Reorganization”], in *Ocherki russkoi kul'tury XIX veka. Tom 5: Khudozhestvennaya literatura. Russkii yazyk [Essays on Russian Culture in the 19th Century. Vol. 5: Fiction. Russian Language]*. Moscow: Moscow University Publishing House, pp. 373–413.

Gorelov, A. A. (1984) “Kniga syna ob ottse” [“The Son’s Book about His Father”], in Leskov, A. N. *Zhizn' Nikolaya Leskova: Po ego lichnym, semeinym i nesemeinym zapisyam i pamyatyam. V 2-kh tomakh. Tom 1: Chasti I–IV [The Life of Nikolai Leskov: Based on His Personal, Family, and Non-Family Notes and Memories. In 2 vols. Vol. 1: Parts I–IV]*. Introduction, text preparation, commentary by A. Gorelov. Moscow: Fiction, pp. 5–30.

“Krest'yanskoe trezvennoe dvizhenie” [“The Peasant Temperance Movement”], in *Revolyutsionnaya situatsiya v Rossii v 1859–1861 gg. Sbornik statei. Tom 2 [The Revolutionary Situation in Russia in 1859–1861. A Collection of Articles. Vol. 2]* (1962) Ed. team: Academician M. V. Nechkina (responsible editor) et al. Moscow: Nauka.

Leskov, A. N. (1984) *Zhizn' Nikolaya Leskova: Po ego lichnym, semeinym i nesemeinym zapisyam i pamyatyam. V 2-kh tomakh. Tom 1: Chasti I–IV [The Life of Nikolai Leskov: Based on His Personal, Family, and Non-Family Notes and Memories. In 2 vols. Vol. 1: Parts I–IV]*. Introduction, text preparation, commentary by A. Gorelov. Moscow: Fiction. (Literaturnye memuary).

Leskov, N. S. (1988) *Chestnoe slovo [Word of Honest]*. Compiled, introduction and commentary by L. A. Anninsky. Moscow: Sovetskaya Rossiya.

Leskov, N. S. (1996) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 1 [Complete Works: in 30 vols. Vol. 1]*. Introduction by I. Stolyarova. Moscow: TERRA.

Leskov, N. S. (1861) “Ocherki vinokurennoi promyshlennosti (Penzenskaya guberniya)” [“Essays on the Distillery Industry (Penza Province)”], *Otechestvennye Zapiski [Domestic Notes]*, 4(135), pp. 419–444.

Russkie pisateli o literature (XVIII–XX vv.): v 3 tomakh. Tom 2 [Russian Writers on Literature (18–20th Centuries): in 3 vols. Vol. 2] (1939) Under the general editorship of S. Balukhaty; compiled by M. Briskman. Leningrad: Sovetskii pisatel'.

Faresov, A. I. (1904) *Protiv techenii: N. S. Leskov. Ego zhizn', sochineniya, polemika i vospominaniya o nem [Against the Current: N. S. Leskov. His Life, Works, Polemics and Memories of Him]*. St. Petersburg: Tipografiya M. Merkusheva.

Информация об авторе: Марина Сергеевна Киселева — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: Marina S. Kiseleva — DSc in Philosophy, Professor, Principal Research Fellow at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024;
одобрена после рецензирования 01.12.2024;
принята к публикации 10.12.2024.

The article was submitted 10.11.2024;
approved after reviewing 01.12.2024;
accepted for publication 10.12.2024.